

Александр Чаха

БЕЛЫЙ КАРДИНАЛ*

(Хроника “хроника”)

* Полную версию «Белого Кардинала» см. на сайте <http://www.whitecardinal.ru/>.

*Памяти погибших от алкоголизма.
Брату-близнецу Василию (1946-1972)
и друзьям детства:
Геннадию К. (1947-1971),
Павлу Б. (1948-1980),
а также моим друзьям:
Лэну, Славе, Саше-Хромому,
Саше Н., Славе А., Васо,
Акробату, Вертолётчику,
Толику-соседу, Володе-соседу,
Серёге-соседу, Вите-соседу,
Толику-алкоголику, Толику-придорожному,
Олегу С. и Колян*

ВРЕМЯ

Скажите мне,
какой сегодня день и год?
А если можете,
то, от какого Рождества
отсчет по времени идет?
Ах! если бы сказали мне, когда
закончится со временем игра,
ведь время –
это
Я.

1 апреля 1986 г.
(после поминок)

*Могилевский вокзал! Здесь погибли друзья,
Нету места печальней на свете.
В приближеньё конца возвращаюсь сюда,
Каждый раз, упиваясь до смерти.*

Мне этот день не забыть никогда:
Лопались звезды и вены,
Всё обыскал – не нашёл ни х.,
Только духи «Царевна».

Мне на царевен плевать с высоты,
Капают капли.
Накапал на жизнь с полверсты –
В лоб закатили грабли.

Мне этот день не забыть никогда,
Капают капли.
Эх, бы накапать с полведра
И никогда не плакать.

* * *

А в Москве... О, Москва!
Как в погоне за ночью,
Где клоака черней,
И тем радостней пить,
Место встречи все то же:
Перекресток со смертью,
Может быть, «Чернышевка»,
Если мир устоит.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ-37

(7 апреля)

*М.Ж., Лэну,
Толику И., Стаканбеку,
Генуару, В.Н., Вальдемару,
Славе, Графу и Толику-соседу*

Это по прихоти или от дьявола,
Или с какой-то другой стороны,
Или, быть может, от самого Главного
Весть получил я, что я новоявленный,
В самый разгар бесноватой весны.

Был я, как стеклышко, неба прозрачнее,
Даже прозрачней, чем в прошлом году,
Был я немислимо трезвый, тем алчнее
Бросились с другом искать, где нажраться нам,
И оказались на том берегу.

Весть получил я, в само Благовещенье,
Тридцать седьмой раз на этом веку.
К этому возрасту шлепнул бы Берия
Да заодно бы и сивого мерина,
Только, за что – не понять никому.

Я же живой! Но с такого похмелья
Будто меня повели на расстрел.
Кто-то спросил мое слово последнее,
В сердце ударило Солнце весеннее –
Только бы, люди, апрель уцелел.

* * *

Вот понедельник на душу упал,
Тяжелый день, а завтра вторник,
Из мрака вырвется затворник –
Им будет Белый Кардинал.

* * *

Я договор свирепый заключил,
Куда там Фаусту! Ребёнок Мефистофель,
И белокаменный в глазах моих застыл,
Вчерашний Кардинала профиль.

Молил меня он сделать передышку,
Кричал и плакал на земле моей,
И над собой невидимую крышку
Пытался отодвинуть поскорей.

Бесплотное ожившее видение
Цеплялось за мои стихи,
И в их спасении свое спасение
Увидел он сквозь гробовые мхи.

Сошлись на том, что мы неразделимы,
Неразрушимы цепи бытия,
И связывают нас сверхъядерные силы,
Его трагедия – моя судьба.

Он договор свирепый заключил.
Куда там Фаусту! Ребёнок – Мефистофель,
И бледноматовый в глазах его застыл
Вчерашний человеческий профиль.

ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

В такой-то день и поздний вечер
Обрушился на камень я,
Пытался ухватиться за любые плечи
И вновь упал – кровище до х...
Вмиг разбежались звезды, люди,
Я на коленях, и опять
Асфальт меня целует в груди,
Как нецелованную блядь.
И весь вокзал – вампиром в губы,
Неделя впереди – и я старик,
Всё было, и последний рубль
Меж смертью и друзьями сник.

В ПИВНОЙ

*(на перекрестке Лялина переулка,
Чернышевки и Чаплыгина)*

Мы идем из пивной –
Она здесь под рукой,
Чтобы снова придти и напиться.
Ты прости, дорогой,
Если не был в пивной,
То не знаешь, что значит родиться.

От нее на ушах
Или, кто на бровях,
Выползает, чтоб снова явиться,
И на старых дрожжах
Снова мы на бровях
Ищем место, где нам прислониться.

“Отдыхаю” в пивной,
Неизвестно в какой,
Незнакомые падают лица.
Как хотелось с тобой,
Поделиться хамсой
По плечу меня кто-то – милиция.

Все равно я живой
Возвращаюсь домой,
Но сначала иду похмелиться.
Эту пьянь год восьмой
Я встречаю в пивной,
Все знакомые пьяные лица.

* * *

Случай или не случай,
Спас и на этот раз.
Может быть, я везучий
Или не пробил час.
Может быть, в жизни этой,
Мне предназначено пить.
Ну, а другой – нету,
Надо терпеть и жить.
Может быть, в жизни трезвой
Шлепнет “косая” враз,
Случай уже не первый
Грянул с небес на нас.
Буду бороться смело
За свою ипостась,
В жизни моей белой,
Будет иконостас.

ЭПИТАФИЯ
НА МОГИЛУ ТОЛИКА-ПРИДОРОЖНОГО¹

Фамилией своей он украшал дороги,
Валялся пьяным Придорожный каждый день,
Пока не оказался не угодным Богу.
А может, в рай его попала тень?

¹23 августа 1985 г.

БЕЛАЯ ЛОГИКА

Как описать Белую Логику тем,
кто с ней не знаком?

Джек Лондон

Белая Логика, без силлогизмов,
Мне открывает глубинную суть:
Это иллюзия – разные «измы».
Мне бы сейчас хоть немного уснуть.

Мне бы уснуть... И проснуться без боли.
Счастье, какое, в пивной не стоять,
Белую Логику силою воли
Хоть на немного заставить молчать.

Хоть на немного... Смешнее смешного!
Логика разума слишком бедна,
Даже разумней бывает корова –
Разве не спилась вся наша страна!

* * *

Я выпил пива и поставил кружку,
Почувствовал – ни то, ни сё,
Без смысла почесал макушку,
Да, и налил себе еще.

Какой-то там пискля из мракобесья
Пытался прыгать на плече моем,
Да, хоть ты головою бейся,
Я думаю, еще нальем!

Потом еще, не по последней,
Найду друзей, чтоб ожила душа,
И дикой лебединой песней
Пройдемся по стакану, не спеша.

И так всю ночь, до утренней Венеры,
Мы будем пить, чтоб вечером она
Нам осветила путь без цели и без меры,
Прощай, обетованная страна.

* * *

*Я выпил бормоты,
А ты?*

Закрыли «Лялина» и всё, что рядом было,
А на «Покровку» не пробиться нипочём –
Там залегла вселенская кобыла
И вытянула всё своим нутром.

Закрыли «Лялина», и в этом вся причина.
Ну, похмелился, выпил – и вперёд.
Теперь же стали мы, как та скотина,
К тому же стало всё наоборот.

Закрыли «Лялина», закрыли, б..., закрыли!
Измученный мотается народ.
И всё что можно матом мы покрыли –
Над нами властвует какой-то сброд.

* * *

Был Диоген мудрейший алкоголик.
Вот бочку бы достать из-под вина!
В ней блоковский стихами жил бы кролик –
Мне жизнь другая не нужна.

Её воздвигнуть бы на перекрёстке
Проспекта Маркса с Горьковскую стрит,
Там буду жить необычайно просто
И созерцать, как техника бежит.

Конечно, люду будет многовато,
Зато, как пить, мне поднесут,
И как бы не было там тесновато
Хоть никакой, а всё-таки приют.

* * *

Тяжёлый случай был,
Тяжёлое похмелье,
Тяжёлый вторник на душе лежал,
Не помню четвергов,
А только лишь мгновенье –
Как руку пожимал
Мне Белый Кардинал.

* * *

*Славе, Фёдорычу и Валентину;
Акробату, Вертолетчику и
прочей пьяни с пятака*

Это мистика, мистика, мистика –
Только что позвонил мне свояк
(За его извиняюсь стилистику):
«Вновь пивную открыли, мудаки».
Это в бане, Машковская улица...
Я бежал туда, Боже, как рад!
Оглянулся вокруг, будто чудится,
Ну, как раньше, три года назад.
И от радости этой немислимой,
А друзья с пятака тут как тут,
Отдохнули, кого-то и вынесли,
А с подвалов и щелей всё прут.
Так, за что ж издевались и тешились,
Сколько выжрать пришлось бормоты.
Подорвали сердечко мне лешие,
Стал беднее самой голытьбы.
За пивные боролись отчаянно,
Это ж надо, какая напасть.
Может, тоже досталось и Чазову?
Эх, нажраться и снова упасть.

P.S. Через два месяца закрыли

**К 15-ЛЕТИЮ ГИБЕЛИ
БРАТА ВАСИЛИЯ**

Отсюда или оттуда,
Или совсем от других берегов,
А часто бывает, вообще, ниоткуда,
Или совсем из далёких миров,
Печальных гонца два
Безгласно, безлюдно
Коснутся плеча моего у реки,
Кольшет прибой
Чью-то лодку чуть слышно,
А лодка-то наша –
Одна на двоих.

*3 сентября 1987
Кондопога*

* * *

Грохочет колокол неистово волнами,
Краями задевает череп мой,
Нетрудно догадаться, что с годами
Всё учащается запой.

Нетрудно догадаться, что пред вами
Недуг страшнейший – порожденье зла.
Оплавились во мне колокола,
Душа оплавилась с годами.

Под сорок лет, в предверии распада,
Я заклинаю смертью брата
Оставить мне на утро, на покой.

Иначе новая утрата,
Не будет слёз, не будет мата,
Закончится последний мой запой.

* * *

Я не знаю, не знаю,
Только бы не упасть!
Поднимались бокалы,
Наполнялись опять,

И за этой веселой,
И глухой толпой
Пробирался глотками
Мой последний запой.

А когда я очнулся,
Снова люди вокруг,
Только стали другими
Их изгибы у губ.

* * *

В осадок выпала среда,
А четвергов в помине нету,
Хотя нет пятницы с утра,
Субботы сгнули со свету.

Никак узнать я не могу,
Что значит для людей неделя,
И сколько дней у них в году,
И почему всегда с похмелья.

Остался только день один,
И люди верят в воскресенье.
И снова будет превращенье
До понедельника в скотин.

БОЛЬШОЙ КОВШ

Смотрю на небо. Светят звёзды,
Маячит Ковш над головой,
Туда, отсчитывая вёрсты,
Несусь дорогой столбовой.

Парсеки, мили – нет в помине,
Вот полустанок Аль-фарди.
Мой мерин в яблоко, остынет,
И вновь по Млечному Пути.

И жар, и холод не преграда,
Добраться бы любой ценой,
И будет мне за то награда –
До Ковша дотянусь рукой...

НА СМЕРТЬ СЛАВЫ²

Доносятся мне звуки рации,
Лежу в реанимации,
А это друг отходит мой,
А у меня запой.

² 12 апреля 2005 г.

* * *

Т. Г.

Я на «Чистых прудах»,
а зачем, почему
подо льдом города?
Умиравший лебедь очнулся,
глянул вечер –
чужая струится звезда,
погрозила,
и он обернулся...
Сколько раз
обошел, обежал океан,
только лебедь
не хочет быть птицей,
всюду лёд, всюду лёд,
а я думал весна,
где же лебеди?
И обернулся.

* * *

Ночь убивает свет,
Душа на дно упала,
Кромсается сонет
О краешек бокала.

Останется чуть-чуть
Добрать глотком устало,
А там в тот самый путь.
Где берег без причала.

* * *

Когда помру, не надо крика,
Как будто не с кем больше пить:
По «Лялина» к пивной пройди-ка –
Душа моя там будет жить.

Но в девять дней, не отошедши,
Когда спадет ночная мгла,
Душа, с похмелья опупевши,
Поднимется из-под стола.

И в сорок дней вся в нетерпеньи
У входа станет сторожить
Пришедшее не к ней похмелье,
Но все равно – и ей налить.